

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВА ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СО СМЕЖНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ И ДРУГИМИ ВИДАМИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Ахметов Азамат
магистрант, Карагандинский национальный исследовательский университет
имени академика Е.А.Букетова

Научный руководитель: Сидорова Н.В. профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, к.ю.н, доцент

Фальсификация доказательств в уголовном праве представляет собой один из наиболее сложных для разграничения составов, поскольку по ряду признаков она соприкасается с несколькими группами преступлений и даже с некоторыми видами правонарушений, не обладающих уголовной общественной опасностью. Современное уголовное законодательство развивается в сторону детализации и создания специальных составов, что закономерно увеличивает количество норм, сходных по элементам. Это требует точного определения границ состава фальсификации доказательств, поскольку правильная квалификация невозможна без выявления отличительных признаков, отделяющих её от иных близких деликтов [1].

Фальсификация доказательств отличается тем, что она всегда выражается в активных действиях, направленных на искажение доказательственной информации, и совершается только с прямым умыслом [1]. Это уже позволяет отделить её, например, от злоупотребления должностными полномочиями, которое может быть совершено как путём действия, так и путём бездействия и допускает косвенный умысел. Если должностное лицо умышленно не приобщает доказательства, его действия квалифицируются по ст. 361 УК РК, а не по ст. 416 УК РК, поскольку фальсификация требует активного искажения доказательств. Злоупотребление полномочиями является общей нормой, тогда как фальсификация доказательств — специальной, что предполагает применение именно специальной нормы при конкуренции составов [2]. Аналогично разграничение осуществляется и с превышением власти или должностных полномочий: ст. 362 УК РК охватывает действия, выходящие за пределы полномочий, однако не включает искажение доказательств как обязательный элемент. На практике следственные органы нередко пытаются вменить превышение власти дополнительно, но данные преступления не образуют конкуренции, так как имеют разную направленность [3].

Наиболее близким составом к фальсификации доказательств является служебный подлог. Однако различия между ними существенны: служебный подлог посягает на порядок документального оформления деятельности государственных органов и ограничен предметом — официальными документами [4]. Фальсификация доказательств охватывает любые доказательства, независимо от того, являются ли они официальными документами. Кроме того, круг субъектов служебного подлога шире, тогда как ст. 416 УК РК предусматривает специальный субъект — должностное лицо органов правопорядка или другое лицо, обладающее процессуальными полномочиями. В судебной практике предмет преступления играет определяющую роль: если поддельный документ не является официальным, но имеет доказательственное значение, деяние квалифицируется по ст. 416 УК РК.

От подделки документов (ст. 385 УК РК) фальсификация доказательств отличается направленностью умысла. Подделка документов направлена на незаконное создание или оборот официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей. Если же подделанный документ представлен в суд для влияния на исход дела, такая форма поведения образует состав фальсификации доказательств [5]. Таким образом, критерий разграничения заключается в цели использования поддельного документа и его роли в процессе доказывания.

Провокация коммерческого подкупа или коррупционного преступления (ст. 417 УК РК) имеет сходство с фальсификацией доказательств только в той части, где речь идёт об искусственном создании доказательств [6]. Однако данный состав охватывает исключительно попытку скомпрометировать лицо, уполномоченное на выполнение государственных функций или выполняющее управленческие функции в коммерческой организации. Фальсификация доказательств, напротив, не ограничена кругом преступлений и позволяет охватить любое искусственное создание доказательственной базы.

Состав заведомо ложного доноса (ст. 351 УК РК) сближается с фальсификацией доказательств

в случае искусственного создания доказательств обвинения. Но здесь действует принципиальное различие: субъектом ложного доноса может быть любое лицо, ответственность наступает только при сочетании создания ложных доказательств и подачи сообщения о вымышленном преступлении. Фальсификация доказательств вне контекста доноса не образует состава ст. 351 УК РК.

Согласно ст. 420 УК РК ответственность наступает за ложные показания, ложное заключение эксперта или неправильный перевод, совершённые в ходе процессуальных действий. Эти деяния могут повлечь аналогичные последствия, однако их отличие заключается в способе совершения: фальсификация доказательств охватывает любые способы искажения доказательственной информации, в то время как ст. 420 УК РК ограничена конкретными процессуальными действиями [7]. Поэтому разграничение проводится исходя из формы поведения и процессуального статуса лица.

Серьёзные сложности возникают и при отграничении фальсификации доказательств от дисциплинарных проступков. Действия сотрудников полиции или следствия, формально напоминающие фальсификацию доказательств, могут в действительности быть следственными ошибками или нарушениями служебной дисциплины. Их отличает отсутствие прямого умысла и меньшая степень общественной опасности. Дисциплинарные проступки нарушают служебные обязанности, но не посягают на интересы правосудия в той мере, в какой это делает фальсификация доказательств. Разграничение проводится по характеру умысла, степени общественной опасности и последствиям.

В итоге фальсификация доказательств должна разграничиваться со смежными составами по совокупности критериев: форме вины, предмету посягательства, кругу субъектов, направленности умысла и характеру нарушаемых общественных отношений. Несмотря на наличие нормативных ориентиров, практика показывает, что эти вопросы продолжают вызывать сложности, что требует дальнейшего совершенствования законодательства и единообразия правоприменения.

Ещё один важный аспект разграничения фальсификации доказательств связан с оценкой степени общественной опасности содеянного. В уголовном праве именно степень опасности выступает критерием, позволяющим отличить преступление от иных видов нарушений, включая дисциплинарные или административные. При фальсификации доказательств вред причиняется не только порядку правосудия, но и интересам личности, поскольку неправильная доказательственная база способна привести к осуждению невиновного или, наоборот, к освобождению виновного от ответственности. Такая оценка существенно усиливает общественную опасность деяния и оправдывает жёсткость уголовно-правового воздействия. В отличие от этого дисциплинарные проступки сотрудников правоохранительных органов затрагивают прежде всего служебную дисциплину и не направлены на искажение доказательств как способ воздействия на исход дела.

Особого внимания требуют случаи, когда следователь или дознаватель допускает ошибки при оформлении следственных действий. Следственные ошибки встречаются достаточно часто, но далеко не каждая ошибка обладает признаками фальсификации доказательств. Ошибка может быть обусловлена недостаточной квалификацией, высокой нагрузкой, неверной оценкой фактической ситуации, техническими погрешностями. При оценке таких ситуаций ключевым остаётся вопрос умысла: если установлено, что действие было совершено с целью повлиять на доказательственную базу, речь идёт именно о фальсификации. Если же нарушение возникло по неосторожности, ответственность ограничивается дисциплинарными мерами. Практика показывает, что зачастую разграничение основывается на непосредственных обстоятельствах дела: срок составления протокола, наличие иных доказательств, подтверждающих волевое стремление изменить фактическую картину, характер процессуального документа.

Значительную сложность представляет сопоставление фальсификации доказательств с составом использования заведомо подложного документа. Наблюдается определённое пересечение, поскольку лицо, использующее поддельный документ в суде, формально искажает доказательства. Однако законодатель разграничивает эти составы по направленности умысла: использование поддельного документа как самостоятельная цель подпадает под ст. 385 УК РК, тогда как передача его в суд с намерением повлиять на исход уголовного или гражданского дела рассматривается как фальсификация доказательств. Отличие также заключается в особенностях субъекта: использовать подложный документ может любое лицо, в то время как фальсификацию доказательств способен осуществить только субъект, имеющий процессуальный статус или фактическую возможность влиять на доказывание.

При анализе преступлений против правосудия невозможно обойти вниманием проблему

инсценировки преступлений и подбрасывания предметов. Эти деяния внешне очень напоминают фальсификацию доказательств, однако имеют дополнительную специфику: они направлены на создание ложной картины события, а не только на искажение уже имеющихся данных. Инсценировка предполагает искусственное формирование следов преступления, что может квалифицироваться как фальсификация доказательств при условии, что созданные ложные элементы используются в суде или следствии в качестве доказательств. В отличие от этого простое подбрасывание предметов без намерения использовать их в доказывании может образовать иные составы преступлений — например, превышение власти или злоупотребление полномочиями. Практика судов указывает, что квалификация зависит от того, были ли созданные ложные элементы включены в доказательственный оборот.

Не менее важным ориентиром в разграничении составов является судебная практика. В реальных делах суды часто сталкиваются с ситуацией, когда одно и то же действие может быть истолковано в пользу нескольких статей УК РК. Наиболее частая ошибка — излишняя расширительная трактовка служебного подлога, когда любое изменение документа рассматривается как подлог, независимо от его роли в доказывании. Однако суды высших инстанций подчёркивают: если документ использован в качестве доказательства, приоритет имеет ст. 416 УК РК. Так, в нескольких делах суды исключали служебный подлог, признавая, что поддельные документы были составлены строго в целях их последующего использования в уголовном деле. Аналогичным образом суды указывают, что сам факт внесения ложных сведений в документ не образует фальсификацию доказательств, если документ не был включён в процессуальные материалы и не предназначался для искажения доказательственной картины.

Отдельно выделяется проблема конкуренции между фальсификацией доказательств и провокацией преступления. В тех случаях, когда создаётся ложная ситуация, вынуждающая лицо совершить определённые действия, может возникнуть искусственное доказательство его виновности. Однако законодатель ограничивает сферу применения ст. 417 УК РК только коррупционными преступлениями и коммерческим подкупом. Если же аналогичные действия предпринимаются в отношении иных видов преступлений, применяется именно состав фальсификации доказательств. Таким образом, провокация преступления является более узким по объёму составом и действует только в пределах строго очерченного предмета.

Наконец, важнейшее разграничение проводится между фальсификацией доказательств и заведомо ложными показаниями. Несмотря на внешнее сходство этих деяний, различия заключаются в субъекте и способе совершения. Фальсификация доказательств может быть совершена только тем субъектом, который участвует в процессе формирования доказательственной базы, тогда как ложные показания дают свидетели, потерпевшие или эксперты. Ложные показания направлены на искажение содержания информации, но не связаны с подделкой или созданием вещественных доказательств, что отличает их от фальсификации.

Таким образом, разграничение состава фальсификации доказательств со смежными преступлениями и правонарушениями проводится по совокупности критериев: предмету, субъекту, форме вины, направленности умысла, характеру процессуальных действий и степени общественной опасности деяния [2; 4]. Несмотря на наличие в теории достаточного числа разработанных подходов, практика показывает необходимость дальнейшего уточнения законодательных формулировок и унификации толкования, поскольку сложность объекта правовой охраны — интересов правосудия — делает такие составы чувствительными к любым погрешностям квалификации. Эффективное разграничение возможно только при сочетании анализа всех элементов состава и установления реального влияния действий лица на процесс доказывания.

Анализ вопросов разграничения состава фальсификации доказательств с близкими по конструкции и объекту преступлениями показывает, что проблема носит комплексный характер и затрагивает сразу несколько уровней уголовно-правового регулирования. Наиболее существенным является различие по объекту посяательства: если фальсификация доказательств направлена на подрыв интересов правосудия, то злоупотребление или превышение должностных полномочий затрагивает сферу государственной службы, а служебный подлог — порядок документального оформления юридически значимых фактов. Это определяет и специфику объективной стороны: фальсификация доказательств может выражаться в создании, изменении или уничтожении доказательственной информации, тогда как подлог документов охватывает лишь внесение ложных сведений или выдачу поддельных официальных

актов. Существенное отличие состоит и в субъекте преступления: ст.416 УК РК предусматривает ограниченный круг специальных субъектов, тогда как ст.361, 362 и 369 УК РК имеют более широкий субъектный состав, включающий лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций или приравненных к ним.

Сравнительный анализ показывает, что конкуренция норм чаще возникает между ст.416 и ст.369 УК РК: в этих ситуациях необходимо исходить из предмета деяния — доказательства по делу или официальный документ. В то же время провокация коммерческого подкупа (ст.417 УК РК) отграничивается по иной цели — созданию искусственного обвинения в коррупционном преступлении, что существенно отличает её от фальсификации доказательств, допускающей широкий спектр подложных доказательственных конструкций. Аналогичным образом ложный донос (ст.351 УК РК) отличается необходимостью сообщения вымышленных сведений в органы, тогда как фальсификация может быть совершена без стадии доноса и требует иной направленности умысла.

Существенное значение для отграничения от дисциплинарных проступков имеет степень общественной опасности: небрежные действия, нарушения сроков или процессуального порядка без прямого умысла на искажение доказательств не образуют состава преступления и влекут лишь дисциплинарную ответственность. Чёткое понимание умысла субъекта, характера причинённого вреда и предмета посягательства является основой для правильной квалификации.

В целом проведённое исследование подтверждает необходимость более точного законодательного разграничения смежных составов, уточнения ряда диспозиций и совершенствования судебной практики. Выявленные коллизии свидетельствуют о потребности в унификации подходов правоприменителей и научно обоснованной корректировке уголовного законодательства. Правильное разграничение составов является ключевым условием для обеспечения справедливости, защиты прав участников процесса и повышения доверия к системе правосудия.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Официальный текст в ред. 2024 г. – Астана: Министерство юстиции Республики Казахстан, 2024.
2. Комиссаров В. С. Систематизация преступлений в уголовном законе. – Москва: Юрист, 2015. – 512 с.
3. Верховный Суд Республики Казахстан. Нормативные постановления по вопросам квалификации преступлений против правосудия (2016–2024 гг.). – Астана: ВС РК, официальный сайт.
4. Кузнецов А. В. Служебный подлог: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2017. – 284 с.
5. Петрашев В. Н., Ковалев М. П. Преступления против общественной безопасности: классификация и проблемы квалификации. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2019. – 298 с.
6. Малков В. П. Классификация преступлений против общественной безопасности // Российский юридический журнал. – 2018. – №3. – С. 401–412.
7. Рарог А. И. Ложные показания: уголовно-правовая оценка и проблемы квалификации. – Москва: Норма, 2013. – 256 с.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ АВТОМОБИЛЕМ ИЛИ ИНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ БЕЗ ЦЕЛИ ХИЩЕНИЯ

Ахметов Арман
магистрант, Карагандинский национальный исследовательский университет
имени академика Е.А.Букетова

Научный руководитель: Аманжолова Б.А. профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, к.ю.н, ассоциированный профессор

Статья 200 УК РК предусматривает два вида неправомерного завладения транспортным средством — простой и квалифицированный. Квалификация наступает при повторности, если ранее лицо уже совершало угон, независимо от привлечения к ответственности [1]. Повторность отсутствует, если